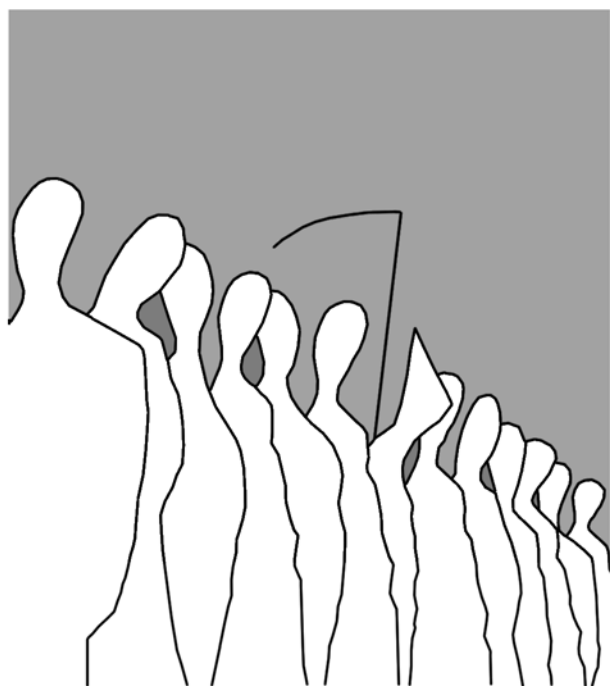

БУДНИ

«Человек нуждается в драматизме жизни и переживаниях; и если на высшем уровне своих достижений он не находит удовлетворения, то сам создает себе драму разрушения».

Эрих Фромм

«Счастлив тот, кто устроил свое существование так, что оно соответствует особенностям его характера».

Георг Гегель

«Утешал тот факт, что я и не стремился кем-либо стать. И, несомненно, в этом преуспевал».

Чарльз Буковски

Первый день

Осьминог попался невкусный. Недоваренный, пресный. Сёмушкин жевал-жевал его и никак не мог прожевать. Вот ведь досада. Всегда так с этими осьминогами — польстишься, а потом жалеешь.

Пища вычурная, ел он ее редко — настолько, чтобы забыть. А-а-а! В предыдущий раз клялся больше никогда нигде не брать. И вот опять. Ну почему?

Сёмушкин к этому дню жил уже тридцать пять лет. У него был день рождения. Он не любил эти дни, но как-то отмечать было вроде надо, и он собрал знакомых в ресторане. Так было принято.

Почему? Он не знал ответа и на этот вопрос. Да и черт с ним. С вопросом. Компания гуляла весело, шумно: тосты, поздравления, подарки.

Предисловие

Когда Саша Сёмушкин был совсем маленьким, его интересовало, почему люди умирают. Он в те годы часто бывал на кладбищах: бабушка непрестанно ходила на похороны — мужья подруг уходили косяком.

Однажды Саша увидел, как в виске одного дяди в гробу торчала вата. Теперь он знал, почему, а тогда не знал. И он стал думать о смерти.

Другой мальчик, с которым они обсудили проблему, сказал ему, что люди умирают, потому что устают жить. Так сказала ему мама. Это было невероятно. Маленький Сёмушкин не понимал, как можно устать жить. Теперь ему это казалось смешным.

Когда теперь? Ну вот в эти его тогдашние 35. Панические атаки, конечно, бывали, но крайне редко тогда. Не то что теперь.

Как он справлялся со смертью? Через суету. Плыл по течению. Все брал на борт. Все впитывал. Всеу становился должником.

Второй день

Сёмушкин шел по переулку с товарищем, машины припаркованные стояли так, что приходилось обходить их по проезжей части. Он не чувствовал опасности. Товарищ неожиданно отодвинул его ближе к тротуару, и в следующее мгновение мимо, слегка задев одежду, пронеслась машина. Показалось странно. Он не испытал страха, только недоумение. Наверное, оттого, что все произошло быстро, без прелюдии ожидания, которая и рождает панику.

Вот так все может быть, быстро думал он дальше, но чувства по-прежнему не шевелились.

Они с приятелем дошли до цели этой прогулки — ресторана, где прекрасно поужинали, поговорили и разошлись, довольные друг другом.

День третий

Отец Сёмушкина говорил ему, что он отстаёт от своего поколения лет на пять. Все у него позже. Может, и так, а может, отец меряет по себе.

Да всё это миражи собственных будней. Не стоит обращать внимания, думал Сёмушкин. Все забывается, и потом всегда неизвестно, откуда что берется. Все удивляются, а искать причины не хотят.

Однажды, когда Сёмушкину было лет двадцать, даже девятнадцать, наверное, смерть лизнула его слегка, или опалила, или еще как-то поприсутствовала, тут дело вкуса — как это назвать. В общем, он должен был погибнуть на стройке, но в кожу врезалась арматура и задержала его падение с высоты десятиэтажного дома. Случайность, детерминированная бесконечностью.

Он тогда не придавал этому значения. А потом придал, лет через тридцать, но для чего, и сам не знал, строил очередные гипотезы.

Надо признать, что счастливым компонентом его характера была расфокусированность. Он не заморачивался надолго. Не пихал невпихуемое. Уставал от рутины повторений.

Он и секс поэтому не любил. За бесконечные циклы тупой самоиронии.

День четвертый

Мама. Стал понимать ее чуть-чуть лет в пятьдесят. В шестьдесят совсем почти научился, а в семьдесят понял, что совсем не знал. А она все говорила, а он слушал, но не слышал. Они как-то шли, гуляли в сквере около дома, где она тогда жила, и, прощаясь, она сказала: ты был моим ребенком, а теперь я твой.

Саша много раз потом вспоминал эти слова. Он их понял, но не хотел принимать. Отталкивал. Не хотел стареть. Боялся. Поэтому старался не слышать. Потом жалел, конечно. Да что толку. Поздно жалеть.

День пятый

Умерла бабушка. Ну, казалось бы, вполне обычное дело. Но тут вскрылись два обстоятельства. Первое — Сёмушкин только теперь понял, как отец любил свою мать. Оказалось, что он любил ее самозабвенно, а всем со стороны казалось, что он ее вообще в грош не ставит. Как так, Сёмушкин понять не мог.

И второе отчаянное обстоятельство. Бабушку решили подхоранивать к деду. Шикарное место, высокий каменный утес, под ним река. Сёмушкин копал могилу деда, лопата ударила в крышку гроба, и он изумился. Дерево было — как будто вчера хоронили. Крепкое. Свежее. А ведь прошло десять лет. Оно, конечно, легко объяснимо. Песок и воз-

вышенность. Сухо. Дерево прекрасно сохранилось. Но тем не менее это удивило.

Сёмушкин прекрасно помнил похороны деда. Тлен еще не наступил или дед изо всех сил старался не ударить в грязь лицом перед бабкой. Ждал и надеялся. Такая фантазмагория. Сёмушкин любил такую дичь, она позволяла чувствовать себя живым. Была зима, и на поминках водка, конечно, была кстати. Река забвения.

День шестой

Они сидели на бульваре на скамейке, кругом летал пух. Лето было в разгаре. Сёмушкин слушал рассказ своего приятеля о приключениях в отпуске. Получалось, что отпуск, проведенный в путешествии, опасная штука.

Петряева, так звали приятеля, он знал много лет. Со школы. Наверное, они могли бы считаться друзьями детства, но почему-то не считались. Что-то между ними было такое. Какое-то не такое.

Вот и сейчас. Рассказ о злоключениях в Таиланде, о болезни жены товарища не трогали Сёмушкина. Не верилось, что такое вообще может быть. И он спросил Петряева, почему они так редко видятся. Приятель оторопел:

— Ты... Я тебе... а ты.

— Да успокойся, — испугался Сёмушкин. — Ну ляпнул невпопад, ты же знаешь, со мною бывает такое. Я вон на работе, бывает, такое выкину — со мной неделю коллеги не разговаривают. Успокойся. Расскажи лучше, чем кончилось.

— Да ничем, — огрызнулся Петряев. — Долгами за лечение, за транспорт обратно. Она до сих пор в больнице. Деньги нужны.

— Ну вот. Так бы сразу и сказал, — облегченно произнес Сёмушкин.

- Дашь?
- Дам, конечно. Сколько? Когда отдашь?
- Ну ты душный, — отмахнулся Петряев, — без тебя обойдусь.
- Как хочешь, — пожал плечами Сёмушкин.
- Почему ты жив до сих пор?
- Сам удивляюсь.

Тот же день

Товарищ детства ушел, а вопрос его так и повис. Сёмушкин вспомнил, как в одной из прошлых жизней занимался он некими посредническими операциями между бизнесом и властью. И вот однажды в те поры он взялся ускорить одно решение, прокредитовался, прокредитовал, решение не вышло, но деньги ушли.

Он стал крепко должен. Ему было очень страшно. По тем временам могли убить, а не убили, и Сёмушкин до сих пор не понимал, почему. Совершенно необъяснимое событие. Неестественное для практики тех времен, да любых времен, почему обязательно тех. Вся «тема» просто рассосалась, как будто и не было. И Сёмушкин стал жить дальше.

Вот и ответ — почему? Он не знал ответа.

День седьмой

В тот день Сёмушкин рассуждал о самоубийствах. Он прочел в утренней газете о происшествии с одним молодым человеком, который выбросился из окна своего дома. Никаких причин такого поступка не приводилось в статье. Написано было только, что жил он с матерью.

Бедная женщина, подумал Сёмушкин. Эти самоубийцы, о чем они думают, рассуждал он, сидя на своем рабочем месте в офисе. Безответственные

лжецы. Они врут себе и делают несчастными окружающих. Все это отвратительно. Как так можно. Он совершенно не думал о матери, этот подросток.

— Вы слышали о самоубийстве? — рядом с ним стояла Клеопатра Львовна, его начальница.

— Да, я читал. Что-то особенное?

— Этот мальчик учился вместе с моим сыном. И ничего необычного никто не замечал. Вот беда.

— Самоубийцы весьма скрытны, — сделал предположение Сёмушкин и заискивающе улыбнулся.

— Похоже на то.

Клеопатра Львовна отчалила от его стола. Сёмушкин облегченно вздохнул.

Это существование в офисе его изрядно напрягало. Вот я возьму и выброшусь. Кого это обременит? В сущности, практически никого, кроме родителей. И это существенное препятствие для такого поступка. Но гораздо смешнее другое будет в этом случае. Я все время боялся смерти — и вдруг вот так. О чем это говорит? Я не смогу? Умеющий плавать не утонет? Глупая, но популярная метафора о детерминированности, исключая случайность.

Мир невероятно пошел, заключил Сёмушкин. Он встал, надел уличные ботинки, взял пиджак и пошел на обед. Всему свое время, улыбнулся он.

День восьмой

Больше всего он не любил в своей работе посетителей. А они были. В приемные дни. Он был обязан раз в месяц делать такой день. Он потом не мог прийти в себя неделю. Как будто развернулась пропасть. Человеческого горя, тупости, корысти и беспроектности.

Они приходили, и Сёмушкин слушал, кивал, поддакивал, смотрел принесенные бумаги, обещал и брал на контроль.

Нет, снова приходить ко мне не надо, говорил он розовощекой даме, вас известят. Электронным письмом или по почте. Да, конечно, обязательно. Она благодарила, но не вставала со стула, и ему приходилось, как всегда в таких случаях, бесцеремонно выпроваживать.

Некоторые плакали, другие молча все сносили, а третьи кричали и угрожали. Но всех подводил он к одному знаменателю. Надо подождать — и все будет. Все решится, все изменится и улучшится.

Это был самый обычный вариант смерти, думал Сёмушкин после таких дней. Забвение. Коварный, ибо безболезненный и незаметный способ. Ты вроде жив, а вроде уже и нет. Но это же совсем не страшно так-то.

А он особенно боялся забвенья. Ему казалось, он становится невидимым, растворенным в суете мелочей. Такие дела.

День девятый

Сёмушкин постоянно чем-то болел, но не относился к этому серьезно, пока один раз ему не стало действительно страшно. А дело было так. Он в выходной день мирно лежал дома на диване. И вдруг без всякой причины почувствовал перебои в работе сердца. Да так, что, если бы не эти перебои, сердце его ушло бы в пятки. Он похолодел. Вот оно.

Он сел и не знал, что делать. Жизнь как-то сократилась до мгновений. Он лишился мыслей и ждал. Прошло. Он снова лег и пролежал до вечера. Страх прошел, а ужас остался. И еще долго витал над ним.

После того случая перебои стало кармическим событием. Они периодически приходили. Сёмушкин дрожал. Потом уходили, и он продолжал жить. Такая смешная аллегория вечного конца.

Но человек ко всему привыкает и адаптивные способности его безграничны, если остановить время. Но время побеждает все. Время абсолютный победитель всего. Всего сущего.

Время — это цифра, а вселенная состоит из цифр. Сёмушкин вычитал это где-то, он не был умным — он был восприимчивым и, как уже было сказано, мучительно, но абсолютно адаптивным. Именно это качество помогло ему, он нашел способ сосуществования с жизнью. Он слился с временем, было трудно, но он смог.

Знавшие его люди стали относиться к нему как к душевнобольному? Нет. Добрые люди называют это «с придурью» или «на своей волне». Ну как-то так. Сёмушкин знал это, и ему это нравилось. Он не винил их, жалел. Он смог, а они — нет. Они несчастны. И они это знают. А он знает, что счастлив.

Он преодолел. Он слился с бытием. Он парил над страданиями своими, он справился.

День десятый

Оставалась одна иллюзия. Научить других. Эта иллюзия доставила Сёмушкину много боли, пока он не отказался от этой затеи. Нельзя передать абстрактные знания. Или почти нельзя.

Дело в том, понял он, что язык наш не приспособлен для этого уровня абстракции, а невербальная настройка слишком тонка и подвержена ошибкам восприятия тонких чувств. Ну, в общем, когда-нибудь, наверное, да, но не сейчас. Спасайся сам, как говорится. И он спасался. Жизнь играла красками, смерть вносила глубину в ее восприятие. Все были заняты своим делом. Что еще нужно для счастья.

Конец

Смерть пришла к Саше Сёмушкину во сне, когда ему было 86 лет, три месяца и четыре дня. Естественный конец, скажут одни. Случайность, скажут другие. Нелепость, скажут третьи. И все они будут правы вместе с еще сотнями и тысячами людей со своим мнением о таком прозаическом событии, как смерть человека.

Солнце восходит и заходит. Вне зависимости от состояния человека. Ему, солнцу, все равно, жив человек или мертв. Радостный он или нет. Тлеет или дышит. Ибо как только человек осознает, что он смертен, он обретает судьбу. Она заменяет ему и страх, и совесть. Вернее, она и есть и то, и другое, и все прочее. Это можно считать и детерминизмом, и свободой воли, кому что нравится.

Большинство людей не осознают всего того, о чем тут мы говорили, и именно они, как правило, бывают счастливы.

